

Знак беды

Умер Василь Быков

Екатерина Барабаш

Василь Быков 19 июня отметил день рождения. Ему исполнилось 79 лет. Встретил он день рождения в Минске, где в последнее время бывал наездами. Не хотел он жить в Белоруссии, не хотел ничего делить с нынешним режимом. Он вообще, по собственному признанию, не принимал никакой режим. Само понятие «режим» было ему чуж-

Матросовы в Великую Отечественную воевали? Что трусость и предательство шли рука об руку с героизмом, что не только Сотниковы героями поднимались на эшафот («Сотников»), а и трусливые, не справившиеся с собой – такие, как Рыбак – тоже имели право на то, чтобы их вспомнили?

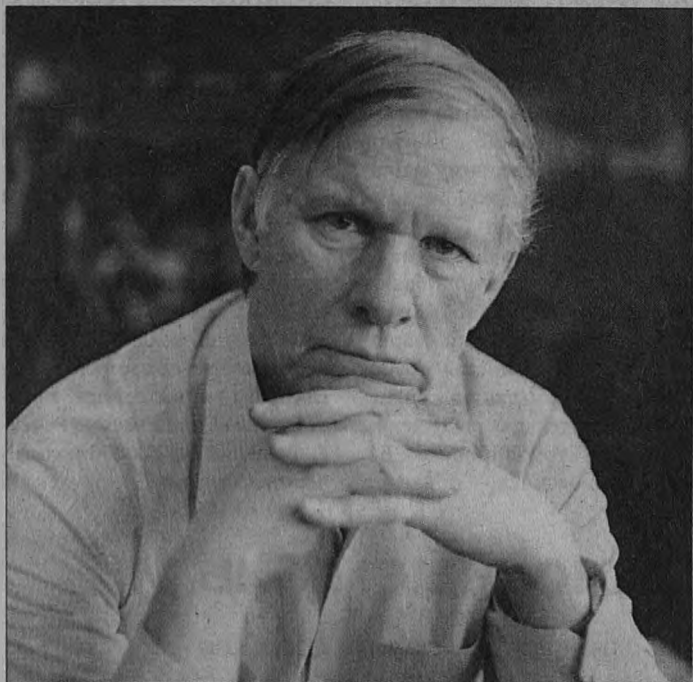
Не хотела соглашаться великая страна, что не только великими масштабными подвигами завоевывалась свобода. Свобода

соф тоталитаризма, родил свое знаменитое: все действительно разумно. Универсальное оправдание тирании...» Быков написал это в прошлом году. Мудрый человек, вынесший из окопов не только жестокую правду, но и неиссякаемую боль безверия. Нет, он не был политическим изгнанником, не был действующим оппозиционером. Но безверие и неверие великих умов куда страшнее демонстраций с шашками наголо, и даже невысказанная мысль мудрого писателя действеннее тысячи призывных транспарантов.

«Пойти и не вернуться», «Мертвым не больно», «Сотников», «Его батальон», «Волчья стая»... Можно сказать, что он любил войну, если вообще соединимы в нормальном языке два эти слова. На войне можно верить, на войне страшным рельефом проявляется то, что в мирной жизни не увидится. Про войну можно и нужно честно писать. Даже если сейчас это и не нужно тем, кто у руля.

Они уходят. Недавно не стало Виктора Астафьева. Давно нет Виктора Некрасова. Умер друг Быкова Алесь Адамович. Теперь ушел Василь Быков. Почти последний из батальона. Живы, слава Богу, Борис Васильев, Григорий Бакланов. Но скоро не к кому будет обратиться, чтобы узнать, как оно было-то на самом деле. Можно только будет открыть книгу, и оттуда глаза в глаза расскажут нам правду те, кто уже не верил, но знал, что без правды нельзя.

«Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать», – писал в изгнании Иосиф Бродский. Быков приехал умирать на Родину. И умер 22 июня. Незадолго до того в Белоруссии ему поставили памятник. Гордились – при жизни, мол, памятник живому классику поставили. Поздновато поставили, ушел живой классик. А ему, наверное, и не надо было, настоящему писателю-фронтовику Василию Быкову.

Василь Быков ни во что не верил, но знал, что без правды нельзя.

Фото ИТАР-ТАСС

до, отторгал он его. И его не особо привлекали официально – никто, никогда. Только при Горбачеве чуть-чуть посвободней Быков вздохнул, власти перестали делать вид, что нет такого писателя. И даже за «Знак беды», вышедший в 1983 году, присудили Ленинскую премию.

До этого Быкова не то что запрещали, но и не приветствовали. Как, например, Астафьева с его военной прозой. И действительно, зачем великой стране, победившей фашизм, было знать, пусть даже от фронтовика, что не только Александры

– она требует и невидимых, и ненужных жертв, как в повести «Дожить до рассвета», когда советский солдат вносит свою лепту в Великую Победу своей нелепой смертью, подрывая вместе с собой пьяненького фрица. Оправданы ли были такие жертвы? Кто знает? И надо ли знать?

«Дьявольское общество, дьявольское время! И когда это утвердилось? Или, может, существовало и прежде? Может, и правда, что гибель современной культуры началась давно? Не в ночь ли на 25 июня 1820 года, когда умник Гегель, этот фило-